

Елена Дженкинз

**МОСКВА-ЛОНДОН,
КОТ И БУКЕТ НЕВЕСТЫ**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д40

Д40 **Дженкинз Е.**
Москва-Лондон, кот и букет невесты / Елена Дженкинз – М.: Литнет, 2026.
– 68 с.

ISBN 978-5-524-01156-5

Приехав на свадьбу друга, Эмили и не подозревала, в какой водоворот событий ее толкнет... рыжий кот. Но ведь когда от жизни уже не ждешь ничего удивительного, тогда и происходят чудеса.

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01156-5

© Литнет, 2026

© Е. Дженкинз, 2026

Глава 1. Удачное падение

– О, о, посмотри на эту сытую морду... Тише, спугнешь!

Настя толкнула его в плечо, а сама рот ладонью зажала, чтобы не засмеяться.

– Я-то молчу, а ты все шепчешь и шепчешь.

– Да тише, пап, прошу же!

Он не выдержал и уткнулся лицом в синий клетчатый плед, который держал в руках; плечи затряслись от глухого смеха, а Настя на взвыла:

– Труба! Удрал, Рыжий. И где мне его теперь ловить?!

Николай Терехов, которого и враги, и друзья называли «скромно» Большим Боссом, помогал дочке поймать кота. Рыжий был единственным чадом в доме Насти, которая три года назад вышла замуж, но скоро она собиралась стать мамой своего, человеческого, детёныша.

Во дворе суетились люди: свадьба как-никак, счастливый день, дел по горло. А Терехов выслеживал кота.

– Да ладно тебе, Настасья. Пускай гуляет, вечером поймает, когда гости разъедутся.

– Он лапы отморозит, – расстроилась она.

День и правда холодный выдался: минус два градуса. Тридцатое октября, а уже первый снег утром выпал. Вроде бы радоваться надо, это же благословение небес, а дочка, которая привезла на свадьбу лучшей подруги несчастного Рыжего, испугалась, что тот простудится. Она раздобыла для него кошачий комбинезон и теперь терроризировала окружающих.

– Эх ты, а еще Большой Босс. Как вкладами жонглировать, так ты мастер, а животину спасти от вымерзания – так пускай гуляет, – укорила она и направилась в дом, вздернув нос и уперев ладони в поясницу, хотя и живота-то еще толком не видно было: три

с половиной месяца беременности. Николай догнал ее и набросил плед на плечи.

– Чую, устроит нам еще Рыжий сегодня, – покачала она головой. – Хоть бы Саньке на платье не прыгнул в разгар церемонии.

Санька – это невеста, Александра, которую Большой Босс очень уважал. Она к тому же была падчерицей его лучшего друга Валика Прохорова, на даче которого, собственно, и собрался честной народ.

– А Рыжему делать больше нечего, по-твоему, как на чужих женщин прыгать?

– Он хоть и старый, но шустрый.

– Да, мы, старики, такие, – подколот дочку Николай, и та фыркнула, сдув светлую прядь волос со щеки.

– Папа, тебе всего сорок восемь и выглядишь ты, как Джеймс Бонд, а Рыжему по человеческим меркам – почти девяносто. И выглядит он, как... Короче, имей уважение к старшим.

Она улыбнулась какому-то неожиданному воспоминанию и сказала:

– Кстати, в доме глинтвейн наливают. Выпей и за меня, будь другом, а я пойду букет невесты посмотрю, флорист уже два часа как маятник – туда-сюда, туда-сюда.

Настена вернула ему плед и скрылась в западном крыле.

Дача Прохоровых стояла на берегу Москвы-реки в Николиной Горе. Место уединенное, уютное, в самый раз чтобы избежать папарацци. Один уже ошивался на рассвете у ворот, но на территорию загородного дома известного дипломата попасть, естественно, не смог. Оказалось, фотограф жаждал не столько свадьбу заснять, сколько американскую актрису, Эмили Райт, которая вроде бы планировала приехать. Николай ее раньше не встречал и не разделял всеобщего ожидания. Он ни одного ее фильма не видел, чтобы гоняться за автографом. Ему икота хватало.

Церемонию устраивали исключительно для «своих», человек на тридцать-сорок, и многие гости уже прибыли. В гостиную простор-

ного особняка то и дело раздавались взрывы хохота: Санька со своим избранником травили байки.

Из общей гаммы выделялся мелодичный женский смех, который заставил остановиться в дверях. Николай сложил руки на груди и оперся плечом о косяк, разглядывая собравшихся, но так и не определил, чей голос заинтересовал его.

Да и какая, в общем-то, разница. Он хоть и любил шумные компании, но присоединиться сейчас не мог: обещал проконтролировать в саду подготовку к церемонии. Всего три часа осталось.

– Даня, – окликнул он зятя, который пролетал мимо. – Тебя Настасья искала.

– А в какой стороне света она находится? Я уже и на юг сбегал и на север.

– На запад иди, не ошибешься.

Даня с Настей были самой главной гордостью Терехова, его лучшей вселенской инвестицией, которая окупилась с лихвой. Чего еще хотеть от жизни, Большой Босс так и не придумал с тех пор, как «дети» поженились. Всего имелось в достатке, в том числе и приключений. Пока международную корпорацию построил, пока дочку вырастил, пока мужа для нее вырастил, чего только ни начудил.

Дома, в Барвихе, был тренажерный зал для поддержания тонуса, в голове – полет здоровой мысли для поддержания психического здоровья, преемники на работе справлялись хорошо. Не жизнь, а сказка с временными перебивками на мимолетные романы.

Авантюрный дух и оптимизм открывали Терехову много дверей, а если двери не имелось в наличии, то он не шел к цели напролом, как делали многие давно сгинувшие конкуренты. Нет, Николай строил лестницу и, забравшись на облака, перешагивал преграды. Он был энтузиастом, новатором, который занимался технологиями и никогда не оставался один. Его часто называли эксцентричным, но что поделать – это у них семейное. Он «горел» работой, в нем кипела жизнь, несмотря на возраст и тот факт, что скоро станет дедом.

Николай ослабил узел галстука, подкатал рукава белой рубашки и вернулся во двор, захватив граненый стакан с глинтвейном. На поверхности плавала гвоздика, и он вспомнил, как давным-давно – а вроде и недавно – жена добавляла в сухое красное вино тонну специй, сахара, а потом кипятила и радовалась. А он каждый раз притворялся, что плачет от благодарности, а не от того, что переваренная бурда взрывала мозг.

Когда-то жена, узнав о своем смертельном диагнозе, заставила поклясться, что Терехов снова полюбит. Она, будучи прирожденным юристом, даже шуточный документ составила и принудила подписать: «Я, Николай Терехов, обязуюсь найти новую любовь, иначе дух моей жены вернется в виде какого-нибудь вредного существа и испоганит мне жизнь».

Взрывная была. Настя – вылитая мать по характеру, такая же строптивая, но в то же время преданная. А вот внешне дочка пошла в отца: голубоглазая, блондинистая, тонкая кость и магическая способность есть и не толстеть. Честное слово, магическая! Терехов любил притормозить у «Макдональдса» после работы, но фигуру так и не испортил. Его даже стабильно вносили в топ самых привлекательных богатых холостяков России. Так что Николай не страдал от недостатка женского внимания. Он страдал от его избытка. Не понимали охотницы, что ловить им нечего. Да, он овдовел больше десяти лет назад, но будучи однолюбом, не мог представить рядом другую женщину. Была чередой их – чужих лиц, чужого голоса и отсутствия обязательств, а вот жениться снова он отказывался. Нельзя подменить настоящее чувство тенью, иначе жизнь потеряет вкус и смысл.

– Коль, отнесешь потом корзину к арке, – попросила его мать невесты, хозяйка этого гостеприимного дома. Она была беременна и выглядела цветущей и спокойной. Сейчас она срезала поздние белые розы с кустов, и Николай остановился, чтобы посмотреть.

– Как-то и заняться больше нечем, – признался он, оглядыва-

ясь на официантов, которые готовили на закрытой террасе фуршет.

– А ты кота поймал?

– О-о-й, и ты туда же, – возмутился он и направился через лужайку в дом, чтобы взять пиджак, в котором лежали сигареты.

Из динамика с террасы доносились звуки Фрэнка Синатры, «Killing me softly», и Николай начал подпевать. Он любил эту песню с детства, хоть тогда и не понимал слов.

Гости из дома успели переместиться в сад. Босс, задумавшись, едва не прошагал мимо невесты, которая окликнула его.

– Дядя Коля! Можно на минутку? Я вас быстренько на землю свалю, и дальше пойдете по своим делам, хорошо?

Она была не только дзюдоисткой, но и бесконтактный бой практиковала, поэтому Терехов не удивился подобной просьбе. Видимо, невеста слишком нервничает, хочет сбить напряжение. Он посмотрел в ее большие добрые глаза и искренне сказал:

– Санечка, для тебя сегодня все что уго...!

Его будто в солнечное сплетение ударили, и он, едва успев вдохнуть, упал на газон, прямо на пожухлые, припорошенные снегом листья. И это при том, что его никто не коснулся.

– Невероятно, так это правда! – И снова он услышал этот смех, как звон колокольчиков. Его обладательница восторгалась проделкой невесты, как ребенок, хлопая в ладоши и излучая жизнерадостность, которая теплом влилась Терехову в вены. Ясно, значит, Санька не нервничала, а демонстрировала кому-то свои навыки.

Когда перед глазами рассеялась тьма, он наконец увидел, кому именно.

Над ним склонилась худенькая незнакомка, протягивая руку помощи. Ее темные распущенные волосы упали на щеки, и она убрала передние пряди за уши, открывая высокие скулы с легким румянцем.

Впервые за долгие годы Николай растерялся при виде женщины, поэтому послушно сжал ее ладошку, тонкую и прохладную,

и поднялся с земли. Он, онемев, пристально вглядывался в искрящиеся смехом карие глаза, пытаясь вспомнить это лицо, а не вспомнив, нахмурился. Что-то в ней было знакомым до боли... Да, точно – боль. Как отблеск безнадежности в мягком взгляде, как печать тоски, той самой, к которой человек давно привык и перестал скрывать, и она звучала даже в искреннем смехе.

– Вы не ушиблись? – спросила она участливо, и Терехов с опозданием осознал, что незнакомка говорит по-английски.

– Простите, а вы...?

– Эмили Райт, я со стороны жениха.

– Вот оно что... Хм... А я Николай.

– О-у, как царь! – восхитилась она.

– В каком-то смысле, да...

– Пойдемте, смешаю вам коктейль, – предложила она в качестве компенсации, а Босс никак не мог прийти в себя.

– Удивительный момент, – пробормотал он.

– А я люблю удивлять, – с лукавым видом произнесла Эмили, и Терехов понял, что пропал.

Больше всего на свете он любил удивлять – и удивляться.

Глава 2. Кот

«Не глазей», – приказала себе Эмили, но, как примагниченная, то и дело переводила взгляд на мужчину, который шел рядом. Она, наверное, смущала его навязчивым вниманием, но от неожиданности забыла правила приличия. Эмили заблудилась в глубине его глаз и не могла найти выхода.

Это все вино на голодный желудок виновато, да еще здешняя атмосфера. Слишком много радости и заразной энергии, которая захватила Эмили и превратила в хохочущую дурочку. С той минуты, как вышла из такси и ступила на порог дома, словно в иной мир попала. В мир, где люди не жалеют делиться теплом. И она так отогрелась, что теперь смеялась, смеялась... и глазела на царя Николая.

Она слышала о нем от Стаса – сегодняшнего жениха, который несколько лет жил в Штатах и работал в филиале корпорации Терехова. Но Большой Босс почему-то представлялся старым и серьезным. А рядом шел статный донжуан с обложки GQ.

Да и не в этом дело. То есть, неожиданно, конечно, но поразили Эмили именно глаза. Он посмотрел на нее – и словно в душу заглянул, распознав там надломленную женщину, которая притворялась сильной.

А может, показалось? Придумала себе все....Но глаза у него невероятные, голубые и добродушные, хоть и смотрел он сейчас настороженно. Нужно что-то сказать.

– Какой коктейль вы предпочитаете?

Его губы дрогнули.

– Я уже выпил глинтвейна, этого достаточно. Мне лишь хотелось составить вам компанию.

Эмили ощутила звенящее напряжение внутри и дико разволновалась от прилива воодушевления, которое затопило и прорва-

ло плотину непричастности к жизни. Если бы она могла остановить время, затаив дыхание, она бы перестала дышать, только бы удержать этот волшебный момент, не отпустить в пустоту... Полтора беспросветных года без капли надежды, и вдруг ей словно прямой массаж сердца сделали, реанимировали – и она резко открыла глаза, чтобы увидеть свет.

– Вы надолго в гости, Эмили?

– Утром улетаю.

– Куда, если не секрет?

– В Лондон. Дела...

Он кивнул, подтверждая, что дела – это действительно основная причина уехать.

Эмили улыбнулась виновато и сказала:

– Простите за ту шалость, я хотела увидеть Сашины приемы... У вас рубашка испачкалась, вот здесь. – Она положила ладонь на его крепкую руку, и пальцы дрогнули, ощутив тепло. Мороз на улице, у нее самой губы слегка онемели, а новый знакомый, казалось, излучал электричество. Она отдернула руку, спрятав в кармане джинсовой куртки.

– Ничего страшного, – усмехнулся царь.

Смятение внутри с каждым шагом уступало место благодарности, и Эмили решила не навязываться слишком явно, чтобы не отпугнуть Николая. Хотелось просто провести спокойный день в компании интересного мужчины. Вряд ли подобный момент повторится в скором времени, поэтому стоило сказать судьбе спасибо и наслаждаться ощущением давно забытого вдохновения.

Ценить подобные моменты Эмили научилась только после того, как Дэвида не стало. И тем ценнее сейчас было каждое мгновение, каждый удар вдруг очнувшегося после душевной комы сердца.

Нет, она не боялась, что сердце сегодня снова разобьется. Наоборот, будто осколки склеились. Тому, кто изголодался по интересу к жизни и влечению к другому человеку, целый день подобного